

«Человек достигает предела величия, когда он сам, все его существо, его жизнь, его деятельность становятся образцом, символом... Каждый человек, каждый в отдельности единствен и неповторим. Потому что целый мир заключен в его совести. Потому что в единстве идеи, в символе находит этот мир свое окончание и завершение.

Это знали греки — это понято в Ветхом завете. Что означает чудо самопожертвования, рассказано в Новом завете» [2, с. 293]. В этих словах автора «Доктора Живаго» таится разгадка образа его главного героя, воплотившего совесть века, незамутненно перешагнувшего через рубикон, названный Великим Октябрем, и пережившего это, как говорится, главное событие XX века. (Правда, 1929 год пережить ему уже не удалось). Но какими бы катастрофами ни грозил этот перевал Истории, *новой эры* (после Рождества Христова) он собою не открыл. И судьба Юрия Андреевича, явившегося в апокалиптические времена в качестве посланца Бога Живаго в дни второго пришествия, всеми своими трагическими перипетиями подтвердила это. Об этот непрерывности жизни, неостановимости культуры, беспредельности духа и написан роман Пастернака, открывший собой середину века, но сумевший подвести ему итог (который мы сегодня только и сознаем, только и можем сознать!).

«Я не говорю, что роман нечто яркое, что он талантлив, что он — удачен. Но это — переворот, это — принятие решения, это было желание начать договаривать все до конца и оценивать жизнь в духе былой безусловности, на ее широчайших основаниях. Если прежде меня привлекали разностопные ямбические размеры, то роман я стал, хотя бы в намерении, писать в *размере мировом*. И, — о счастье, путь назад был раз навсегда отрезан» (Из письма Вяч. Вс. Иванову, 1 июля 1958 г.) [2, с. 351].

2

«Если взять великий роман прошлого столетия в его сущности..., — если из ткани такого романа... постепенно вычесть одно за другим действующие лица, их развитие, ситуации, события, фабулу, тему, содержание... После такого вычитания от второсортной развлекательной литературы ничего не останется. Но в названном произведении [Пастернак перед этим упоминал «Мадам Бовари» Флобера — в числе «величайших» романов прошлого столетия — вместе с Достоевским, Толстым и Диккенсом. — *И. К.*] (или например, в «Дэвиде Копперфилде») останется *самое главное*: характеристика реальности как таковой почти как философской категории, как звена и составной части духовного мира, которые вечно сопутствуют жизни и окружают ее». Так писал Б. Л. Пастернак Стивену Спендеру в связи с вопросами об интерпретации романа «Доктор Живаго» [2, с. 363]. Установка на способ восприятия и прочтения величайших европейских романов (быть может, не для всех из них органичная и адекватная авторским интенциям романистов) принципиальна для понимания пастернаковского романа. В какой-то степени это даже ключ к пониманию его смысла, авторский код.

Принцип «вычитания» — жесткий, беспощадный критерий оценки большого литературного произведения — романа, особенно в том случае, если это произведение столь же собственно философское, сколько и художественное. Трудно удержаться, чтобы опять не упомянуть «Доктора Фаустуса» Т. Манна и «Игру в бисер» Г. Гессе, — произведения, впрочем, совсем не близкие Пастернаку. Во всяком случае Т. Манн при всех внешних высоких его оценках был Пастернаком как художник не принят; он для Пастернака — лишь «величайший представитель Германии и Европы на рубеже веков», скорее мыслитель или даже свидетель эпохи и ее интерпретатор, нежели художник. (Ср. письмо Т.-С. Элиоту от 14 января 1960 г. [2, с. 366—367].)